

УДК: 7.0103.067; 821. 161.1

АРИСТОТЕЛЬ О ГОМЕРЕ

Темненко Г. М.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: galinatemnenko@sf.ukrtel.net

В статье рассматривается мнение Аристотеля о поэме Гомера «Илиада» как недостаточно освоенная современной гуманитарной наукой позиция. Причиной слабого внимания к вопросу является утрата специально написанных Аристотелем о Гомере книг и фрагментарность сохранившихся на эту тему высказываний великого мыслителя; следствием же – отсутствие должной оценки аксиологических ориентиров, определяющих развитие действия и поступки главного героя, а также игнорирование в учебной и популярной литературе воспитательного и эстетического потенциала поэмы. «Илиада» неоднократно упоминается в «Поэтике» в связи с ключевыми теоретическими проблемами, выступая как своеобразная точка отсчёта, образец совершенства. Сюжетообразующая роль гнева Ахилла как причины бездействия героя получила убедительный комментарий в «Риторике» как выражение защиты высшей ценности – чести. Стихотворение Аристотеля, посвящённое добродетели, прославляет Ахилла как героического носителя этого качества. Обоснованность акцента, сделанного Аристотелем на моральной мотивировке гнева Ахилла, подтверждается анализом нравственных проблем, координирующих его деяния на протяжении всей поэмы. Трагический пафос «Илиады» в глазах Аристотеля чрезвычайно близок к сущности этой категории в современных ему трагедиях. Бушевание Ахилла во второй части поэмы завершается катарсисом и раскаянием. Современное литературоведение нуждается в уточнении образа Ахилла как представителя героизма нового типа, участника конфликтов, решение которых не предопределено простыми ожиданиями массового сознания и способно порождать вопросы о ценностях, определяющих смысл бытия. Для современного культурного сознания насущной потребностью становится присутствие подобных героев.

Ключевые слова: Гомер, Аристотель, «Илиада», тип героизма, честь, добродетель, мотивировка поступков, трагическое, культурные ценности.

Аристотель в истории европейской и мировой культуры занимает столь видное место, что определение его полного значения потребовало бы обзора всей истории научной мысли. В нынешний юбилейный год, когда человечество отмечает 2400 лет со дня рождения гениального мыслителя, во многих научных центрах идут конференции, посвящённые этой дате. Главный предмет размышлений – разумеется, фундаментальное наследие аристотелевских идей, легших в основание многих наук. Вопрос об их актуальности был бы излишним: развитие нового всегда требует осмысленного отношения к истокам. Однако возможен и другой вопрос: что из наследия Аристотеля осталось недостаточно освоенным, что из этого может быть напрямую, непосредственно связано с проблемами современной культуры? Может показаться неожиданным, но в поисках ответа мы задумаемся об отношении

Аристотеля к Гомеру. Имя последнего не менее значимо, хотя принадлежит ещё более древней эпохе.

Именно архаичность культурных пластов, питавших творчество Гомера, нередко становится препятствием для активизации его наследия в современном обществе. Тексты гомеровских поэм почти три тысячелетия остаются объектом пристального внимания лингвистов, историков, текстологов – гуманитарии задают всё новые вопросы, углубляясь в тонкости научного познания. Однако средний читатель знает не столько Гомера, сколько его имя. Нынешняя молодёжь иногда узнаёт о нём из очередной американской киноленты, такой как голливудский блокбастер «Троя», грубо искажающий античные образы и сюжеты.

Правда, российские школьники здесь в лучшем положении, чем, например, современные греческие, у которых Гомер есть только в простом прозаическом пересказе. А у нас во всех библиотеках стоит практически не устаревший прекрасный стихотворный перевод Гнедича, переиздававшийся множество раз. В обозримом времени лучшее из последних – второе его издание из серии «Литературные памятники», вышедшее в 2008 году. А ещё в 2005 году московская фирма «Медиакнига» выпустила отличный аудиодиск с полным текстом «Илиады», который на слух воспринимается без затруднений даже неподготовленным слушателем. Архаизмы понятны из контекста, стихотворный размер не смущает, не мешает, а, наоборот, подхватывает слушателя и несёт, как мощная океанская волна. Героический дух гомеровской эпопеи в нынешнем 2016 году вспоминался и в связи с юбилеем Н. С. Гумилёва, для которого «Илиада» была одной из главных книг – он размышлял о ней в своих стихах, он взял её с собою, и когда шёл на смерть. Гомер в современном культурном сознании живёт своей жизнью.

Тем не менее, нельзя не отметить существование лакун и разрывов между глубокими научными изысканиями и просветительскими позициями в отношении к его эпосу.

В отлично написанной популярной книге Гаспарова «Занимательная Греция» [3], которую читают с одинаковым увлечением уже второй десяток лет не только старшеклассники, но и преподаватели вузов, Гомеру уделено вежливое, но не слишком серьёзное внимание как представителю очень давно прошедшего времени. Репутация Гомера как «учителя греков» остаётся незыблемой – другого претендента на роль зачинателя античной культуры нет и быть не может. Но суть его наследия нередко размывается воспоминаниями о «гомеровском вопросе» (давно разрешённом, о чём не все успели узнать), о частностях истолкования отдельных мест, о парадоксах отношения к Гомеру Платона и т. д. А героический пафос «Илиады» редуцируется и абстрагируется. Имя главного героя даже у образованных людей чаще всего ассоциируется с мифом об ахиллесовой пяте (хотя в «Илиаде» об этом нет ни слова), с парадоксом об Ахилле и черепахе, также не имеющим к поэме ни малейшего отношения.

В современном исследовательском дискурсе герою явно не везёт. В монографии И. В. Шталь «Художественный мир гомеровского эпоса» анализ образа Ахилла фактически отсутствует. Гнев Ахилла, о котором Гомер в первых строках поэмы говорит, как о главной теме, гнев, воспеть который он призывает Музу, предстаёт

всего лишь как формальный сюжетобразующий мотив; так же расценивает его и В. Н. Ярхо – он замечает, что гнев надолго выводит Ахилла из числа действующих лиц и тем самым даёт возможность проявить себя всем прочим героям [12, с. 120], близкую позицию занимает и А. И. Зайцев [8, с. 405]. Причина гнева трактуется ныне как малопочтенная: Ахилл и его дружина отказываются от участия в сражениях «...из-за Бризеиды, “просто” супруги» [11, с. 201]. Даже А. Ф. Лосев увидел в его характере «капризную и эгоистическую психологию уже выходящего за пределы эпоса героя» [9, с. 243].

На этом фоне особого внимания заслуживает отношение к Гомеру и его герою, высказанное Аристотелем, поскольку именно он размышлял о Гомере весьма основательно. В его эпоху Гомер считался не раритетом, а классиком, чьё наследие сохраняло и непосредственную занимательность, и привлекательность непревзойдённого эстетического образца. У Диогена Лаэртского в числе трудов Аристотеля упоминаются «Гомеровские вопросы» – 6 книг, которые не дошли до наших дней [7, с. 213].

Хотя мы и не располагаем достоверными сведениями о содержании этих книг, всё же некоторую опору для представления о позициях их автора можем найти в сохранившихся текстах Аристотеля – в «Поэтике» и «Риторике». Гомеровские тексты не являются там главными объектами внимания, однако упоминаются всегда в связи с ключевыми теоретическими проблемами, выступая как своеобразная точка отсчёта, образец совершенства: «Гомер в числе прочего достоин похвалы, особенно за то, что он единственный из поэтов вполне знает, что ему должно делать» [1, XXIV, b5–b8]¹.

В «Поэтике» одной из таких проблем становятся принципы построения произведения, которые впоследствии получают название единства действия и будут рассматриваться применительно к драматургии. На самом деле Аристотель понимал их значительно шире и утверждал, что в эпической поэме, «как и в трагедии, фабулы должно составлять драматичные, относящиеся к одному целому и законченному действию, имеющему начало, середину и конец, чтобы производить свойственное ей удовольствие, подобно единому и цельному живому существу...» [XXIII, b17–18]. Этим положением обусловлено у Аристотеля отрицательное отношение к эпизодам, не связанным с основным сюжетом: «Из простых фабул и действий худшие – эпизодические; эпизодической фабулой я называю такую, в которой эпизодии следуют друг за другом без вероятия и без необходимости» [IX, b33–34].

Композиция «Илиады» с этой точки зрения предстаёт у Аристотеля как идеальное художественное решение: «Гомер и в этом случае представляется необычайным в сравнении с другими: он не замыслил описать всю войну, хотя она имела начало и конец, так как [рассказ] должен был бы сделаться чересчур большим и нелегко обозримым, или [войну], хотя и скромных размеров, но запутанную

¹ Здесь и далее в ссылках на Аристотеля в квадратных скобках первая, римская цифра обозначает номер главы, а вторая, арабская – номер строки. В остальных же случаях первая цифра обозначает номер в списке литературы, вторая – том или страницу.

пёстрою вереницею событий. И вот, выбрав одну её часть, он воспользовался многими из остальных обстоятельств как эпизодами, например перечислением кораблей и другими, которыми он разнообразил свою поэму» [XXIII, b29–30].

Похвалы Аристотеля Гомеру за мастерство композиции, высказанные в «Поэтике», часто пересказываются уже без ссылки на первоисточник, как нечто общеизвестное или, наоборот, как наблюдение современного исследователя [5, с. 241]. Нас же это положение побуждает к целостному восприятию «Илиады» и пониманию значимости каждой из её составляющих. В таком случае невозможно представить, чтобы гнев Ахилла в глазах Аристотеля был лишь «эпизодом». Возникает вопрос о его значении для построения целостного текста поэмы.

Отказ героя участвовать в сражениях против троянцев мотивируется оскорблением, которое нанес ему верховный греческий вождь Агамемнон. Последний отнял у Ахилла любимую пленницу Брисеиду в отместку за то, что тот перед всем войском потребовал возратить жрецу Аполлона Хрису его дочь Хрисеиду, чтобы умилостивить грозного бога, наставшего на греков чуму в отместку за обиду, нанесённую Агамемноном этому жрецу.

Композиционно именно гнев выводит Ахилла из числа активно действующих лиц на всю первую половину поэмы. Прочие герои сражаются, но их усилия не приносят ощутимых результатов. Представить это обстоятельство как формальный сюжетобразующий мотив – значит обесценить смысл происходящего. Да, конечно, в фольклоре приём ретардации (замедления действия) распространён очень широко. Там кумулятивная композиция нанизывает эпизоды, не связанные между собою причинно-следственными отношениями, продлевая приключения сказочного персонажа ради усиления развлекательной функции текста. Но согласиться с подобной, уже укоренившейся, трактовкой сюжета «Илиады» не позволяют два обстоятельства.

Первое из них – полная уверенность современной науки в реальности существования автора поэмы, в преодолении им фольклорной инерции [2; 5; 8; 9; 11; 12 и др.].

Второе – внимание Аристотеля к тому эпизоду в середине «Илиады», где автор заостряет внимание читателей на печальных для греков последствиях затянувшейся «забастовки» героя.

В девятой книге уже и самому Агамемнону становится ясно, что без возвращения Ахилла на поля сражений не удастся сдвинуть дело с мёртвой точки. Поэтому он посылает к нему посольство ахейских вождей, которые предлагают во искупление обиды не только возвращение Брисеиды, но в придачу ещё семь прекрасных пленниц, а также богатые дары. Однако герой отказывается принять их и идти опять на битву. Это потрясает посланцев: Ахилл показывает, что ему есть с кем делить ложе, но отвергает выкуп, столь значительный, что его было бы достаточно для примирения даже в случае убийства кровного родственника. Гомер подчёркивает их удивление и обиду, чтобы привлечь к ситуации внимание читателей.

Вспомним, Аристотель хвалил Гомера за то, что тот всегда знает, что делает. И логично, что для этого поступка Ахилла он увидел в тексте поэмы весьма

уважительную причину. Во второй книге «Риторики» Аристотель связал его с ценностью чести:

«Оскорбление связано с умалением чужой чести, а кто умалает чужую честь, тот пренебрегает, ибо не пользуется никаким почётом то, что ничего не стоит – ни в хорошем, ни в дурном смысле. Поэтому-то Ахилл в гневе говорит:

*Злую обиду [широкодержавный Атрид Агамемнон]
Мне причинил: отобрал у меня и присвоил награду.*

И ещё:

*[Как пред лицом аргивян обесчестил меня Агамемнон].
Будто какой-нибудь я новосёл, чужеземец презренный.*

Как видно, именно за это он гневается» [II, b28–35].

Аристотель здесь цитирует как раз ответ Ахилла в девятой книге посланным для примирения ахейским вождям. Честь, таким образом, оказывается выше всех предлагаемых даров. Осознание этой ценности и становится конфликтообразующим моментом, особенность которого в том, что Ахилл вовсе не собирается отрицать ценности традиционные – он в первой песне не только говорит о необходимости подчиняться воле богов, но и выступает на защиту народа.

Этот акцент чрезвычайно важен: в глазах Аристотеля Ахилл интересен не силой полубога и воинской доблестью, а теми ценностями, которые его одушевляют. Мы можем говорить о ценностях во множественном числе, потому что основания для этого даёт нам опять-таки Аристотель. Сохранился отрывок из его гимна добродетели, где Ахилл представлен как её воплощение:

*Добродетель,
Многотруднейшая для смертного рода,
Краснейшая добыча жизни людской,
За девственную твою красоту
И умереть,
И труды принять мощные и неутомимые –
Завиднейший жребий в Элладе...
<.....>
Взыскуя тебя,
Взошли в обитель Аида Ахилл и Аянт... [7, с. 207].*

Учение Аристотеля о добродетелях вряд ли может быть здесь применено буквально: пылкий характер Ахилла слишком мало подходит к представлениям о золотой середине. Но если взглянуть на это более широко, то заданная ещё Гераклитом установка на координирование индивидуального бытия по космическому общему началу, логосу, получила в этике Аристотеля продолжение и развитие как соотношение морали отдельного человека с общей нравственностью. *Ethos* (обычай) – это не только привычки индивидуума, но и некие формы культурной жизни, суть которых философ и сделал предметом осмысления в «Никомаховой этике».

Гомер никогда не морализирует, однако помещает героя в уникальную ситуацию. Ахилл в «Илиаде» совершенно свободен. Он великий герой, сын богини и царя, ему никто не может приказывать. Но он вынужден, как любой другой

смертный человек, переносить тяготы и невзгоды, терпеть несправедливость. Он знает, что смертен, более того, знает, что его век не будет долог. Ещё не была поставлена философами проблема отличия свободы от своеволия. Но внимательное чтение Гомера позволяет увидеть, что подспудно она уже зарождается. На протяжении всей поэмы действия Ахилла имеют отчётливую ценностную ориентацию.

В начале поэмы он вступает в конфликт с Агамемноном, стремясь защитить ахейское войско от напасти чумы. Как видим, герой изначально страдает, потому что проявил заботу об общем благе.

Тогда же Ахилл, оскорбленный, схватившийся было за меч, всё же не даёт волю своему гневу – он сознательно подчиняется божественной мудрости Афины, поскольку затеять сечу перед лицом врага – значит погубить всё войско.

Ахилл воздерживается от участия в сражениях, поскольку это для него единственный способ защитить свою честь.

Мужество его выступает как чисто человеческое свойство, а сражения для него – «тяжкие труды» войны, и Гомер старательно ограждает своего героя от близости со свирепым и кровожадным божеством войны Аресом.

Гибель Патрокла всё меняет. Гнев героя становится всепожирающим пламенем. Ахилл не может воскресить друга, но считает себя обязанным отомстить его убийце Гектору. Это для него единственный способ восстановить справедливость.

Ещё Платон, учитель Аристотеля, высказал в диалоге «Пир» восхищение высшим подвигом Ахилла – способностью умереть за друга: «узнав от матери, что он умрёт, если убьёт Гектора, а если не убьёт, то вернётся домой и доживёт до старости», Ахилл делает свой выбор не колеблясь [10, с. 128], несмотря на то, что умирать молодым ему совсем не хочется, а блаженных Елисейских полей для героев ещё не придумали. Можно сказать, что ни один из подвигов Геракла нельзя сравнить с этим решением Ахилла.

Конечно, Аристотель имел основания счесть его воплощением добродетели. Называть его характер эгоистическим и капризным несправедливо. В этом негативном определении сказались наслоения более поздних культурных ценностей: христианством сакрализованных милосердия и смирения, классицизмом утверждавшегося приоритета долга перед государством, социализмом освященного самоумаления личности перед обществом. Однако Ахилл – герой, воплотивший ценности античного гуманизма, и Аристотель оценил его именно в этом качестве.

Культурные герои древних мифов: Тезей, Персей, Беллерофонт, Кадм, Геракл – освобождали землю от хтонических чудовищ и разбойников; в дальнейшем они выполняли и собственно культурные функции: учреждали сакральные традиции, вводили законы (Кадму даже приписывалось изобретение алфавита). Они воплощали народные чаяния. Однако все эти функции выполнялись безликими персонажами, их идеальные фигуры наделялись свойствами, продиктованными реликтивными интенциями. Полубожественная природа объясняла сверхчеловеческие способности. Собственно человеческого в них было немного, каждый представлял собою персонифицированный ответ на вызовы природы и истории. Не таков Ахилл. Это представитель нового типа героизма.

Для автора «Илиады» герой уже не сводится к воспроизведению суммы мифизированных достоинств, а представляет собою нечто более новое и актуальное. Он индивидуален и конкретен, что позволяет Гомеру дать ему невиданную ранее смысловую нагрузку. Новаторским становится вопрос о мотивировке действий Ахилла. Каждый его шаг побуждает к размышлению и объяснению. Обстоятельства, порождающие конфликтные ситуации, актуализируют осмысление ценностных координат, с которыми соотносится разрешение конфликтов.

Гомер впервые в мировой литературе создаёт совершенно новый тип героя. Оппозиция «вызов – ответ» сменяется оппозицией «вызов – вопросы». Ахилл предстаёт как участник конфликтов, решение которых не предопределено простыми ожиданиями массового сознания.

Представление о стихийности поступков Ахилла отчасти связано с тем, что Гомер не изображает его размышляющим. Решения, принимаемые героями «Илиады», как известно, нередко объясняются вмешательством богов, их волей. Однако всегда допустима двойная мотивировка – рядом находится реальное житейское объяснение. Воля богов для мифизирующего мышления является санкцией, утверждающей аксиологический смысл выбора, как в упомянутом вмешательстве Афины в первой книге «Илиады».

Когда в конце поэмы боги приказывают Ахиллу отдать тело Гектора Приаму, это также является выражением ценности, которая раскрывается Гомером в сцене свидания Приама с Ахиллом. Отец погибшего сына, царь погибающего города целует руки убийцы и разрушителя, умоляя отдать тело для погребения, и находит поразительный аргумент: он напоминает Ахиллу, что тот – прежде всего человек, смертный. И его отец Пелей живёт надеждой, что сын жив, но если погибнет, то единственным утешением для отца станет известие о его достойном погребении. Ахилл понимает справедливость этого довода, он плачет вместе с Приамом, выполняет его просьбу. Он поступает как человек, в соответствии с представлениями о человеческом поведении, а отнюдь не как ипостась свирепого Ареса. Эта сцена важна для понимания замысла Гомера, поскольку здесь мотивировка поступка обозначена очень внятно. Более того, эта мотивировка даёт ключ к пониманию и всех остальных решений Ахилла: он всякий раз делает выбор между человеческими ценностями. Гегель, размышляя в «Эстетике» об Ахилле, воскликнул: «Это человек!». Таким образом, его характер определяется не стихийностью или капризностью. Его метания – следствие столкновения ценностей, приводящее к трагическим результатам и позволяющее Гомеру указать на проблему их иерархии.

Гнев Ахилла на протяжении поэмы приобретает разные смысловые оттенки. Аристотель, как мы увидели, подчеркнул в «Риторике» моральное оправдание гневного бездействия героя в первой половине «Илиады». Но мог ли философ пройти мимо другой его стороны – гневного неистовства Ахилла после гибели Патрокла? На какое-то время герой теряет способность щадить поверженных, он оскверняет кровью убитых троянцев воды реки Ксанфа и готов сражаться даже с божеством этой реки. Надругательства над трупом Гектора явно выходило за рамки

«этоса» и шокировало даже богов – недаром они сочли необходимым вмешаться и повелели Ахиллу отдать тело Приаму для погребения.

Мы не располагаем прямыми текстуальными свидетельствами отношения Аристотеля к этой стороне гнева Ахилла. Но для поиска такового есть объективное основание. Высказанное в «Поэтике» представление об «Илиаде» как совершенном творении неотделимо от постулата о совершенстве как проявлении целостности, единства. Следовательно, и вторая часть поэмы не могла остаться вне поля зрения философа. Что кроме изображения бушующего мстителя мог он найти у Гомера?

Гнев Ахилла – *«мощный, который ахеянам тысячи бедствий содеял»*, – связывает воедино судьбу Ахилла и прочих бойцов. Важно всё, и когда Ахилл в конце концов станет предаваться сожалениям, то он скажет, что если бы не поддался гневу, то не пришлось бы стольким воинам в предсмертных судорогах грызть землю. Здесь удивительно конкретный образ имеет глубокий символический смысл. Дружба оказалась выше личных обид, долг перед другом – выше чести и даже жизни, но круг замыкается: невозможно стерпеть несправедливость, нельзя и не отомстить за друга, но всему этому цена – человеческие жизни. В трагическом противоборстве воинских станов, в трагическом противоречии ценностей человеческое начало осознаёт и своё величие, и свою хрупкость.

Не вызывает сомнений, что трагический пафос «Илиады» предопределил расцвет античной трагедии, размышлениям о свойствах которой посвящена большая часть дошедшей до нас «Поэтики». Её автор прямо указывает на эту связь [IV, b34–49, a2]. И не случайно Аристотель сблизил некоторые принципы построения трагедии и эпической поэмы. А под его определение трагического героя Ахилл подходит не мене выразительно, чем Эдип Софокла: не преступник и не безвинная жертва, носитель трагической вины, вызванной непредвиденным стечением обстоятельств (гибель Патрокла в доспехах Ахилла и как бы вместо Ахилла). Он, в соответствии с требованиями Аристотеля к трагическому герою, обладает характером благородным и суровым [XV, a16, b15]. Ахилл остро сознаёт трагизм своей судьбы, и его раскаяние в финале поэмы заметно соответствует определению проявления катарсиса в результате переживания трагического начала, производящего «путём сострадания и страха очищение подобных страстей» [VI, b28]. Внимание Аристотеля к композиции поэмы позволяет понять, что её строение организует не только событийный ряд, но и смысловые акценты поэмы. В самой же поэме мотивировка действий, выбор определяющих их ценностей имеют не меньшее значение, чем внешняя канва событий.

Таким образом, несмотря на отрывочность дошедших до нас высказываний Аристотеля о Гомере, мы можем с уверенностью утверждать следующее:

Эстетическая ценность «Илиады» в глазах Аристотеля была несомненной, Гомеру принадлежит первенство перед всеми прочими поэтами.

Одно из несомненных достоинств поэмы представляет её единство, целостность, отсутствие каких-либо «случайных» эпизодов, не связанных с основным действием.

Гнев Ахилла, влекущий его отказ от участия в сражениях, предстаёт в трактовке Аристотеля как защита драгоценнейшего человеческого достояния – чести.

Трагический пафос «Илиады» в глазах Аристотеля чрезвычайно близок к сущности этой категории в современных ему трагедиях. Буйство Ахилла во второй части поэмы завершается катарсисом и раскаянием.

Обоснованность акцента, сделанного Аристотелем на моральной мотивировке гнева Ахилла, подтверждается анализом нравственных проблем, координирующих его деяния на протяжении всей поэмы.

Аристотель высоко оценивает характер Ахилла, его благородство и суровость, воспекает героя в стихах как носителя высокой добродетели.

Культурное сознание каждой исторической эпохи нуждается в образе героя, выражающего её интенции и идеалы. Благодаря размышлениям Аристотеля о чести как одном из важнейших двигателей поступков Ахилла мы можем утверждать, что именно в «Илиаде» Гомера было заложено начало культурной рефлексии, направленной на ценности, определяющие смысл человеческого бытия. В этом одно из оснований непреходящей значимости наследия античного гуманизма.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Пер. с греческого В. Аппельрота, Н. Платоновой. Вступит. статья и комментарии С. Ю. Трохачёва. – СПб.: Азбука, 2000. – 352 с.
2. Боннар А. Греческая цивилизация. В 3 т. / Пер. с франц. О. В. Волкова. Т. 1 От Илиады до Парфенона. – М.: Искусство, 1992. – 269 с.
3. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 384 с.
4. Гомер. Илиада. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990. – 572 с.
5. Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1978. – 395 с.
6. Джеймсон М. Г. Мифология древней Греции // Мифологии древнего мира / Пер. с англ. – М.: Наука, 1977. – С. 233–282.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
8. Зайцев А. И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // Гомер. Илиада. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990. – С. 395–416.
9. Лосев А. Ф. Гомер. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1960. – с. 168–171.
10. Платон. Избранные диалоги. – М.: Худож. лит., 1965. – 444 с.
11. Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. – М.: Наука, 1983. – 296 с.
12. Ярхо В. Н. Эпос. Ранняя лирика // Древнегреческая литература: Собрание трудов. (Серия «Античное наследие»). – М.: Лабиринт, 2001. – 368 с.

Temnenko G. M. Aristotle: Contemplating on Homer // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 71–80.

The article has in focus Aristotle's perception of 'The Iliad' of Homer as such which has not yet been paid particular attention to within the humanities scientific frame. The reason for the lack of attention to the issue has been the loss of Aristotle's writings dedicated specifically to Homer as well as fragmentarity of the preserved commentaries made by the great philosopher on the topic; henceforth, there is no appropriate evaluation of the axiological reference points defining plot development and actions of the main character and the didactic and aesthetic potential of the poem are being largely ignored in course books and popular literature. 'The Iliad' is repeatedly mentioned in Aristotle's 'Poetics' in connection to the key theoretical issues, functioning as a certain starting point, an example of perfection. Aristotle's admiration for the poem's composition structure is inseparable from his aesthetic requirement to the coherent integrity of the literary

work and close connection of each episode to its basic contents. Achilles' wrath as a plot component explaining the inertness of the character is given a persuasive commentary in 'Rhetoric' as such expressing protection of the supreme value – dignity. The poem by Aristotle dedicated to virtue glorifies Achilles as a heroic owner of this quality. The justification of the emphasis put by Aristotle on the moral motivation of Achilles' wrath is confirmed by the analysis of the moral conflicts coordinating his actions throughout the entire poem, which allows speaking of a new type of heroism that originated in Homer's works, the one fundamentally different from early heroism of mythical cultural heroes. The tragic pathos of 'The Iliad' is viewed by Aristotle as being particularly similar to the nature of this category in the contemporary tragedies. Achilles' recklessness in the second part of the poem results in catharsis and remorse. Modern literary studies requires further elaboration of the image of Achilles as a representative of new heroism, a participant of the conflicts that cannot be solved according to simple expectations of mass consciousness, but offering a solution capable of procuring inquiries on values defining the sense of being. Modern cultural consciousness is being in critical need of presence of such heroes.

Keywords: Homer, Aristotle, 'The Iliad', type of heroism, dignity, virtue, motivation of actions, tragedy, cultural values.

References

1. Aristotel. Poetika. Ritorika. Per. s grecheskogo V. Appelrota, N. Platonovoy. Vstupit. Statya i kommentarii S. Yu. Trokhachyova [Poetics. Rhetoric. Translated from Greek by V. Appelrot, N. Platonova. Introduction and commentaries by S.Y. Trokhachyov]. Spb., Azbuka, 2000, 352 p.
2. Bonnar A. Grecheskaya tsivilizatsiya [Greek Civilisation] In three volumes. Vol. 1. Translated from French by O. V. Volkov. From the Iliad to the Parthenon. Moscow, Iskusstvo, 1992, 269 p.
3. Gasparov M. L. Zanimatel'naya Gretsia. Rasskazy o drevnegrecheskoy culture [Exciting Greece. Stories of Ancient Greek Culture]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2000, 384 p.
4. Gomer. Iliada [The Iliad]. Leningrad, Nauka, 1990, 572 p.
5. Gordeziani R. V. Problemy gomerovskogo eposa [Problems of Homer's Epos]. Tbilisi, Publishing house of the Tbilisi University, 1978, 395 p.
6. Dzheimson M. G. Mifologiya Drevney Gretsii [Ancient Greek Mythology]. Mifologii drevnego mira [Mythologies of the Ancient World]. Moscow, Nauka, 1977, P. 233–282.
7. Diogen Laertskiy. O zhyzni, ucheniyah i izrecheniyah znamenitnykh filosofov [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Moscow, Mysl', 1979, 620 p.
8. Zaytsev A. I. Drevnegrecheskiy geroicheskiy epos "Iliada" Gomera [Ancient Greek Heroic Epos "The Iliad" of Homer]. Leningrad, Nauka, 1990, P. 395–416.
9. Losev A. F. Gomer [Homer]. Moscow, State Educational Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1960, P. 168–171.
10. Platon. Izbrannye dialogi [Dialogues]. Moscow, Khudozh. lit. publ, 1965, 444 p.
11. Shtal' I. V. Khudozhestvenny mir gomerovskogo eposa [Imagery of Homer's Epos]. Moscow, Nauka, 1983, 296 p.
12. Yarho V. N. Epos. Rannaya lirika [Epos. Early Lyric Poetry]. Ancient Greek Literature. Ancient Heritage Series. Moscow, Labirint, 2001, 368 p.